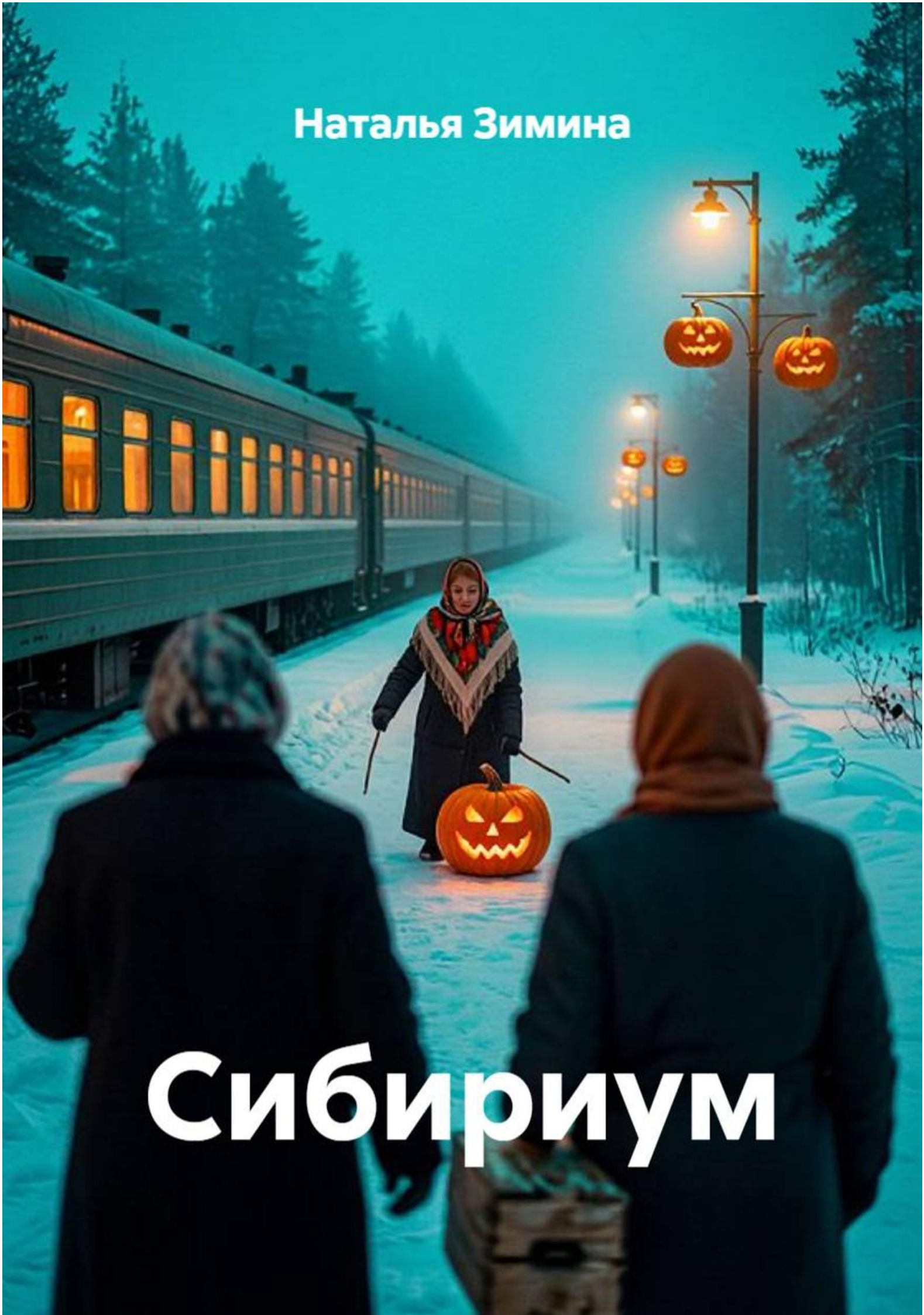

Наталья Зимина
Сибириум

Наталья Зимина

Сибириум

«Автор»
2026

Зимина Н. Ю.

Сибириум / Н. Ю. Зимина — «Автор», 2026

Разбирая бабушкин чердак перед продажей дома, две подруги находят старую настольную игру «Сибириум» — с кубиками, странным полем и железной дорогой на восток. Брошенный на пол кубик встаёт на ребро, свет чердака гаснет — и они шагают в вагон бесконечного плацкарта, где вдоль путей светятся тыквы, а билеты требует одноглазый контролёр.Выйти можно, только доиграв. Посёлок, где анчутки берут плату домашним именем. Чёрная река, где за переправу платят тёплым воспоминанием. Комбинат механических тыкв. И пир мёртвых у Хозяина Тайги, где так легко остаться навсегда. Ночь не кончится, пока игра не досказана.«Сибириум» — повесть о бесконечной ночи и поезде на восток. Для тех, кто скучает по бабушкиным сказкам и верит, что чудо живёт на чердаке.

© Зимина Н. Ю., 2026
© Автор, 2026

Наталья Зимина
Сибириум

Глава 1. Станция Тайга-Сортировочная

Мы с Алёй дружим тридцать лет — с тех пор, как она отдала мне половину своей карамели на первомайской демонстрации, а я ей — место у окна в классе. Так и повелось: у неё — смелость, у меня — рассудительность, а всё остальное — пополам.

Коробку мы нашли на чердаке, когда разбирали бабушкин дом перед продажей. Я взяла на работе отпуск за свой счёт, Аля прилетела из города на три дня: у неё там планёрка, кот и ипотека. Обычный чердак: лыжи без креплений, сундук с журналом «Крокодил», бельевая сушка. И вдруг — коробка. Тяжёлая, деревянная, буквы вырезаны криво, по-старинному: «Сибириум».

Дом собирались продавать ещё с весны — с бабушкиных похорон. И было у меня одно опасение, которое я не говорила Алё вслух, а оно, как оказалось много позже, было и у неё: вся наша дружба — тридцать лет — умещалась в этот дом. В печку, в чердак, в скрипучую лестницу. Продадим его — и что нам останется делать вместе, кроме как вспоминать?

— Настолка, что ли? — Аля поддела крышку ногтем. — Смотри, кубики. И поле какое-то... поле без полей.

Я хотела сказать «не трогай, мало ли», но она уже бросила кубик — просто так, на пыльный пол. И кубик не покатился, а встал на ребро, как вкопанный. В ушах зазвенело, будто где-то далеко, за тридевять земель, тронулись с места вагоны.

Свет на чердаке не погас — он сдал, посерел, скис, как вчерашний чай. Пыль поплыла и загустела туманом, а когда туман осел по колено, ни лыж, ни сундука уже не было. Под ногами скрипнуло — уже не половицы: шпалы. Мы стояли на платформе, и из нашего мира при нас осталась только коробка: Аля прижимала её к груди.

Вдоль путей вместо фонарей висели тыквы. Настоящие — круглые, с прорезанными глазами, и в каждой тлел огонёк, тёплый и живой. От них пахло парёной тыквой и осенним пирогом — самый уютный запах, какой бывает на незнакомых станциях.

Поезд стоял у платформы — тёмный, тяжёлый, лишь окна светились. Из ближнего вагона выглядывала женщина: высокая, тонкая, в платке, повязанном по-старинному, на самых бровях. Лица почти не видно — только глаза, внимательные и совсем не злые. На руках она качала выдолбленную тыкву с тлеющими углями, как люльку. Угольки вздыхали в такт её шагам, и тени от тыквенных фонарей ходили по платформе кругами.

— Полуночница, — шёпотом сказала Аля. — Бабушка про такую рассказывала: качает тыкву с углями — не то ночь, не то кого-то, кто уснуть не может. Кто с ней в вагон сядет, тот в чужую ночь уедет.

Я сжала её локоть. Мне хотелось домой, к телефону, к тёплому свету. Но ещё больше — туда, куда идёт этот поезд: дома такое с нами точно не случится, а здесь — вот оно, случилось.

Полуночница подняла глаза и кивнула нам — спокойно, деловито, как кивают знакомым, которые чуть опоздали, но всё-таки пришли.

Поезд вздохнул. Тыквы вдоль путей качнулись.

— Пойдём? — спросила Аля. У неё — смелость, у меня — рассудительность, но в тот раз я почему-то ответила первой:

— Пойдём.

И мы шагнули в вагон — с коробкой на руках, с паутиной бабушкиного чердака на рукавах. Дверь закрылась сама, мягко, как закрывается книга. Игра началась всерьёз.

Глава 2. Бесконечный плацкарт

Поезд набирал ход, а вагон — ряды. Мы шли вдоль полок минут пять, а ряды всё не кончались. Плацкарт был бесконечный: за столиками дремали попутчики, женщина вязала шарф, который уже убегал в тамбур, мальчик считал полки и, досчитав до тысячи, начинал заново. Под столом сидел кот в железнодорожной фуражке и смотрел на нас так, будто это мы без билета.

За окнами не было ночи — был туман, а в нём, как фонарики на ёлке, проплывали тыквы на столбах. Чай разносила проводница с чайником, из носика которого шёл пар с запахом вьюги и антоновских яблок. В подстаканниках чай был янтарный, тёплый, как дома, — и от этого «дома» что-то сжималось под сердцем.

Коробка у меня на коленях загудела первой. По вагону пронёсся скрип, будто открылись сразу все двери, и из тамбура вышел контролёр. Высокий, сухой, в форме, какой не носили ни на одной дороге, а на груди — маленькая тыква-фонарь. Лица у него была только половина; вторая, кажется, осталась на какой-то прошлой станции.

— Билетики, — сказал он голосом ржавой петли. — Ваши билетики, гражданочки.

— Так мы это... игрой, — сказала Аля. — «Сибириум». Сами сюда попали, между прочим.

— Игра-игрой, — согласился контролёр, — а проездной иметь надо. Без билета высаживаю на ближайшей станции. — Он кивнул на окно, где в тумане кто-то рыскал с гоготом. — Там Охота дикая гуляет, им скучно. Либо, — он понизил голос, — в котёл. Угольки у нас дорогие, а вы, смотрю, дровяные.

— У нас нет ничего, — честно сказала я. — Даже воды взять не успели.

— Билеты у вас есть, — неожиданно сказал контролёр. — Уже напечатаны. Лежат в конверте. Конверт запечатан в жестяной банке из-под чая. Банка — в сумке с рукоделием. Сумка — под нижней полкой у бабы Зои, третий ряд. Только будить её я бы не стал: она в этом поезде дольше самой дороги.

— А как же мы?..

— А это уже цена, — контролёр прикрыл тыкву на груди, чтобы мы видели только его единственный глаз. — Расскажи мне, девица, страшную сказку. Про меня. Такую, чтобы я сам испугался. И обещай то, чего дома не знаешь. Тогда, может, баба Зоя сама проснётся.

Аля подумала и начала:

— Жил-был человек, который так боялся опоздать на свою станцию, что перестал спать, есть и выходить из вагона. Он стоял у тамбура и проверял билеты — свои, чужие, чужие, свои. А станция его всё шла и шла, и он знал наизусть все станции, кроме одной — своей. Он и сейчас её ищет. Говорят, попадёшься ему без билета — он потребует не деньги, а чужую остановку. Чужое «здесь я выйду».

Вагон стал тише. Кот под столом снял фуражку. Контролёр стоял очень долго, и в его единственном глазу тлело что-то оранжевое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.